

Глава XI. Кавказская интерлюдия. (1924–1925)

*Многие видел я страны,
Счастья искал по всюду,
Только удел желанный
Больше искать не буду.*

1. Неожиданные поступки и тягостные думы

Есенин наконец-то осуществил свою мечту. С большим трудом он вышел из затяжного кризиса непризнания и после знакомства с большевистскими литературными заправилами: Воронским, Вардиным, Ионовым, получает "добро" от партийных боссов. Сергей отдал в Госиздат "Песнь о великом походе", написал "Поэму о 36". Уже вышла отдельной книгой "Москва кабацкая", готовится сборник избранных стихотворений. С властями Есенин никогда не ссорился, "подкладывался" под них, но без излишнего холуйства. Хотя сотрудничать с противоположными во взглядах и политических симпатиях редакторами ему было трудно.

Политика Сергея не интересовала. С "Вольнодумцем" у поэта ничего не получилось, как и у Пушкина с его "Современником". Не приспособлен психологически был Есенин к постоянному, ритмичному, требующему внимания и трезвости делу. "Не знаю, – пишет Бениславская, – в чем вина – в обычной есенинской неудачливости... или вина в том, что никто из имевших возможность поддержать его по-настоящему до конца и не заинтересовался... Надо сказать, что в период 1923—1925 гг. Сергей Александрович уже не умел цепляться за возможности, не умел пробиваться. Или ему надо открыть двери, или он не пойдет сам. Вот откуда бралось его озлобление, вот откуда «своих не пускают домой». Не раз он говорил: «Поймите, в моем доме не я хозяин, в мой дом я должен стучаться, и мне не открывают».

Но власти прощали Есенину многое и не трогали его, хотя по пьянке он здорово ругал и власть, и милицию, и еврейских руководителей страны. То ли спасаясь от милиции и суда, то ли по указанию властей, то ли по собственному желанию реализовать наконец-то свою мечту о поездке в Персию, но в конце августа Сергей принимает решение ехать на Кавказ. Борис Пастернак как-то рассказывал, что в Кремль

были приглашены три самых популярных поэта: Пастернак, Маяковский и Есенин. Сталин вел с ними беседу о необходимости налаживания "интернациональных" связей с грузинской интеллигенцией, говорилось о желаемости заняться переводами на русский язык грузинских поэтов. Как бы то ни было, но Есенин наметил поездку на 2 сентября. Радостный и окрыленный, он пишет Анне Берзинь записку:

"Милая, любимая Абрамовна.

Прости, прости.

Уезжаю — года на два.

Не ищи. Только помоги. Так нужно...

Люблю тебя, люблю.

Прощай. Сергей".

Казалось, Есенин действительно прощается со всеми. Он уже мыслил, что полностью погрузится в мир восточных реалий, начнет творить с новой силой, завоевывая утерянную было славу первого поэта России.

В феврале 1924 года в Москве у актера Качалова Сергей познакомился с Петром Ивановичем Чагиным, вторым секретарем ЦК Азербайджана и редактором газеты «Бакинский рабочий». Между ними завязалась большая дружба. Есенин обещал Чагину приехать в Баку. На вопрос Есенина: «А Персию покажете?», Петр Иванович обещал и Персию показать, а если захочет Сергей, то и Индию. 5 сентября 1924 года Есенин приехал в Баку и остановился в гостинице "Новая Европа". Сергей уже собирался встретиться с Чагиным, когда столкнулся в ресторане с Яковом Блюмкиным, выполнявшим, видимо, какое-то секретное задание на Кавказе. За обедом в ресторане Блюмкин представил Есенину какую-то женщину, назвав ее своей женой. Выпивший Сергей обратился к ней с каким-то сальным комплиментом, от чего Блюмкин рассвирепел и стал размахивать револьвером. Перепуганный Есенин во избежание очередных скандалов на следующий день уехал в Тбилиси вместе с Илларионом Вардиным (Мгеладзе).

Пробыл Сергей в Тбилиси недолго, но успел познакомиться со многими людьми, побывать во многих компаниях. Жизнь Есенина была очень насыщена: поэтические встречи, кутежи и попойки, знакомства с русскими и грузинскими поэтами, журналистами, художниками. Эти двенадцать дней были до такой степени насыщены, что создается впечатление, будто Есенин пробыл в Тбилиси почти полгода.

Есенин остановился сначала в гостинице «Ориент», затем несколько дней гостил

в семье Тициана Табидзе и, наконец, перебрался к своему другу Николаю Вержбицкому — журналисту из газеты «Заря Востока» — подальше от соблазнов, от шумных гостей, от городской суеты. В Тбилиси Есенин постоянно гулял в компании грузинских поэтов: Паоло Яшвили, Шалва Апахидзе, Георгия Леонидзе, лучших друзей Тициана. "Внешний успех на Западе не излечил его внутреннего кризиса, — заметил внутреннее состояние Есенина Т. Табидзе, — и он вместо успокоения чувствовал какое-то ожесточение. Ему хотелось сразу наверстать пропущенное вдохновение, он чувствовал неиссякаемый творческий голод".

Но даже под знойным солнцем Грузии, среди гостеприимных и веселых поэтов, Есенин не мог освободиться от своего внутреннего психологического конфликта. В стихотворении "Кавказ" поэт снова говорит о близкой смерти:

А ныне я и твою безгладь
Пришел, не ведая причины:
Родной ли прах здесь обрыдать
Иль подсмотреть свой час кончины!

Мысли о ранней смерти все время мучат Сергея, даже в радостном и бесшабашном тбилисском окружении. Есенин ведет себя так, как будто не ощущает себя, не заботясь о себе, о своей безопасности. Часто забредал Есенин в тбилисские духаны, спускался в винные погреба. Как-то поэт пытался вмешаться в какую-то пьяную драку. Георгий Леонидзе, находившийся рядом крикнул ему: "— Смотри, Сергей, Христофора Марло убили в кабацкой драке!"

Какие-то необычные импульсы нападали на Есенина даже в среде веселья и грузинского гостеприимства. Однажды Есенин, Паоло Яшвили, Тициан Табидзе и Георгий Леонидзе долго бродили по старому Тбилиси, потом там же пообедали и все вернулись во Дворец писателей навеселе. Вдруг Есенин заявил, что хочет прыгнуть с балкона вниз. Паоло испугался, начал умолять Сергея, чтобы он не делал этого. А тот и слушать не хотел. Тогда Паоло, разозлившись, крикнул ему, чтобы Сергей прыгал. Есенин сразу отошел, засмеялся, и прыгать, конечно, не стал.

Однажды вечером в доме Тициана Табидзе Паоло Яшвили решил подшутить над развеселившимся Есениным.

— Знаешь, Сережа, я хочу тебя обрадовать. Приехала в Тбилиси Айседора

Дункан, я ее встретил на Руставели, сказал ей, что ты здесь, и адрес дал. Она сюда скоро придет.

"Трудно описать, что произошло с Есениным, – вспоминает Нина Табидзе, – когда он услышал эти слова. Он побледнел. Он не мог произнести ни слова. Он стоял с минуту как громом пораженный, потом вбежал в свою комнату и стал, торопясь, укладывать вещи в чемодан. Махнув на все рукой, схватил свой чемодан и убежал. Паоло и Тициан бежали за ним и едва его догнали на улице. Паоло клялся, что он пошутил, что никакой Айседоры Дункан и в глаза не видел. Еле вернули от обратно. Есенин явно нервничал, каждый раз, когда открывали дверь, он вздрагивал и оборачивался, – он все-таки боялся, что она появится. Он готов был бежать па край света, лишь бы не встретиться с ней..."

2. Грусть от несбывшейся мечты

Есенин и Чагин. Баку. 1924 год.

20 сентября Есенин вернулся в Баку и вскоре был у Чагина, который радостно встретил поэта. Есенин с воодушевлением включился в литературную деятельность, был с первого взгляда бодр, весел, непринужден. 21 сентября к нему в номер пришел Виктор Мануйлов, знавший Сергея еще с 1921 года. Есенин стал показывать привезенный из Америки эспандер – «резиновую штуку», которую растягивал, упражняя мышцы. "Предложил мне попробовать, – вспоминает Мануйлов, – но у меня не получилось. Тут он рассмеялся и с удивительной легкостью развел руки в стороны, растягивая тугую резину... Уже тогда я заметил, что в этой еще не угасшей, почти звериной силе и ловкости появилась какая-то нервность, усталость. Внешне Есенин переменялся еще больше, чем внутренне: скука во взгляде и легкие подергивания горькой улыбки напомнили мне, что Москва кабацкая позади, что сейчас он убежал от нее".

Затем в ресторане, в ожидании завтрака, Есенин говорил о новых стихах, о том,

что почти все они уже пристроены в разных редакциях. И удовлетворенно отметил: «Кому у нас больше всего за стихи платят? Вот «Русский современник» только Ахматовой да мне по три рубля за строчку дает. Еще Маяковскому хорошо платят. Поэтов у нас много, а хороших почти нет!»

"Есенин как-то весь потускнел, – отмечает Мануйлов, – от утренней свежести не осталось и следа. Грустные глаза, усталая опустошенность во взгляде, горькая улыбка". Подали завтрак. Есенин попросил бутылку "Цинандали", заказал кофе по-турецки. Когда выпил, слегка повеселел и вполголоса начал читать свое новое, печальное стихотворение:

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.

Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник –
Пройдет, зайдет и вновь оставит дом.
О всех ушедших грезит конопляник
С широким месяцем над голубым прудом.

Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветер в даль,
Я полон дум о юности веселой,
Но ничего в прошедшем мне не жаль.

Не жаль мне лет, растраченных напрасно,
Не жаль души сиреневую цветь.
В саду горит костер рябины красной,
Но никого не может он согреть.

Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет трава,
Как дерево роняет тихо листья,

Так я роняю грустные слова.

И если время, ветром разметая,
Стребет их все в один ненужный ком...
Скажите так... что роща золотая
Отговорила милым языком.

Есенин вступил в период максимального подъема своего творчества. Стихи рождались в его голове как бы одним постоянным мощным потоком. Он стремился к завоеванию Олимпа, поняв, что для этого необходима поддержка властей. Такую поддержку он находил с одной стороны, в лице Вардина, а с другой стороны дружеское внимание и поддержку ему оказывал Чагин. Сергей постоянно приходил в редакцию «Бакинского рабочего», где передавал Чагину свои новые стихотворения. Долго и настойчиво Есенин спорил в редакции газеты о своем гонораре. Упорно доказывал, что стихи его очень хорошие, что теперь так никто не пишет, а Пушкин умер давно.

Получив деньги, Есенин обычно шел на почту и отправлял большую часть матери в Константиново на строительство нового дома. Когда в августе 1922 года сгорел родительский дом в Константинове, Есенин был уже за границей и посылать деньги домой не мог. Просил только друзей помогать сестре. После возвращения у Сергея также не было средств, да и пропивал он их постоянно. И только начав усиленно публиковаться, он смог, наконец-то, помогать родителям постепенно отстраиваться. Хотя в гневе говорил о родных: «Я их знаю, знаю. Только дай и дай. За этим и в Москву ездят. Я для них — дойная корова. Мне не жаль, понимаете, не жаль, но я знаю их — жадные. Туда, как в бездонную бочку — сколько ни сыпь, все мало. И все мужики, все такие. Знаете, я не люблю крестьян. Им только деньги нужны. В этом мире им на все наплевать. Только давай. Вы думаете, я люблю деревню? Мужиков? Я их хорошо знаю — каждый только о своем кармане думает».

"Кровное чувство у всех Есениных очень сильно, — отмечала Бениславская, — потому Сергей Александрович всегда тянулся к своим. Обидеть стариков или сестер значило объявить себя его врагом". И чем сильнее тянуло Есенина к своим, тем больше возмущало его их отношение. Конечно, все они по своему любили Сергея, уважали его и немного с удивлением относились к тому положению, какого он добился. Но и старики, и за ними сестра Катя, прежде всего, видели в Есенине золотой мешок. И все

разговоры с сыном сводились только к деньгам. И потому, не считаясь с положением его дел, и мать, и отец, и сестры обращались к Есенину за деньгами сплошь и рядом, не считаясь с его материальным положением и психическим состоянием.

Но не только семье Есенин отсылал деньги. Много раздавал беспризорным, среди которых у него было немало друзей. По-прежнему отправлялся с приятелями в духан, и нетрезвый прекрасно читал там свои стихи. Сергей даже не сердился и не раздражался, когда Мануйлов, его молодой друг, не скрывал своего сожаления о его загубленных вечерах и ночах среди случайных и часто чуждых ему собутыльников. В Баку Есенин вел обычный свой безалаберный образ жизни. Днем гулял, посещал старый город, ханский дворец, Девичью башню, заходил в редакцию, хлопотал о визе в Персию. А вечером Сергей снова гуляет с компанией приятелей в каком-нибудь частном духане. В стихотворении "Стансы", посвященном Петру Ивановичу Чагину Есенин гордо заявлял, любуясь собственной гениальностью и даром "пророка" России:

Я вам не кенар!
Я поэт!
И не чета каким-то там Демьянам.
Пускай бываю иногда я пьяным,
Зато в глазах моих
Прозрений дивных свет.

Высокое мнение о своей персоне Есенин поддерживал везде. Как и в Москве, постоянно говорил о своем поэтическом величии, то ли в шутку, то ли всерьез. Каждый раз, когда поэт встречался с хозяином гостиницы, то начинались бесконечные препирательства Есенина с ним по поводу неоплаченных счетов. "Сергей Александрович убеждал его, – пишет Мануйлов, – что он большой поэт, которому «все надо даром давать, лишь бы он только согласился взять».

Снова появляется в Сергее это постоянное соперничество с Пушкиным, прикрываемое восхищением его поэзией. Вечно боявшийся воды, Есенин однажды с группой сотрудников «Бакинского рабочего» выходит в море на паруснике, носившем курьезное название «Ай да Пушкин, ай да молодец!». А после большого творческого вечера 3 октября, в день своего рождения, когда один из молодых журналистов стал в неумеренно восторженных выражениях сравнивать его с Пушкиным. Есенин несколько

деланно рассердился:

— Да ты о Пушкине понятия не имеешь! Пушкин был один из самых образованных писателей в Европе. Языки знал. Работать над стихами умел. А что я? Конечно, талантливый человек. Но невежественный. Работать над стихами так и не научился. До Пушкина мне, брат, далеко.

Какая-то грусть от несбывшейся мечты постоянно одолевала Сергея. Перед отъездом в Грузию, около 6 октября, Есенин читал стихи в небольшой узкой комнате литературных сотрудников «Бакинского рабочего». Народу было много. Сидели на стульях, столах, подоконниках, стояли в дверях. А Есенин, ни на кого не глядя, облокотившись на редакционный стол, совсем тихо, вполголоса читал свои недавно написанные стихи. Читал он их, замкнувшись в себе, как бы только для себя. Ни озорства, ни улыбки уже не было в этом печальном выступлении:

Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать.
Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать...

Милые березовые чащи!
Ты, земля! И вы, равнин пески!
Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть моей тоски.

Есенин все продолжал читать новые стихи о всех своих переживаниях и грустных думах:

Этой грусти теперь не рассыпать
Звонким смехом далеких лет.
Отцвела моя белая липа.
Отзвенел соловьиный рассвет...

"В комнате стояла настороженная тишина, – вспоминает Мануйлов. – Никто бы не решился прервать Есенина каким-нибудь вопросом. Конечно, никто по окончании

чтения не аплодировал. Мы не понимали причины глубокой депрессии Есенина, но все чувствовали, как ему трудно, в каком он состоянии".

В таком состоянии Сергей снова уехал в Тбилиси к Вардину.

Есенин понял, что для свободы нужны деньги, а их нужно зарабатывать. Творческий порыв, соединенный с пониманием своей миссии в поэтическом ремесле, возбудил в еще недавно пассивном и постоянно тянущемся к бутылке поэте, необыкновенную активность. В течение последующих месяцев Есенин пишет много стихотворений в виде писем. Именно в Тбилиси были написаны его мучительные стихотворные послания «К матери», «К сестре», "К деду" и их воображаемые ответы. Сергей ведет постоянную работу души и сердца, которая совершенно не сочеталась с его внешне легкомысленной и скандальной жизнью. В его письмах конца 1924, начала 1925 годов виден деловой, трезвый, энергичный поэт и литератор. В этот период Галя активно занималась его литературными делами. Он доверял ей вести переговоры с редакциями, заключать договора на издания. Письма Есенина к Бениславской полны разного рода поручений и просьб: подобрать стихи для тех или иных изданий, сообщить литературные новости.

"Дорогая Галя! – пишет поэт 20 сентября. – Мне кажется, я приеду не очень скоро. Не скоро потому, что делать мне в Москве нечего. По кабакам ходить надоело. Несколько времени поживу в Тегеране, а потом поеду в Батум или в Баку".

Есенин жалуется на дороговизну, на бешеные цены за гостиницу, что пристрастился к бильярду и проигрывает огромные суммы в карты. "Живу в отелях. Каждый день обходится в 20—25 рублей. Гости, гости, гости, хоть бы кто меня спас от них. Главное, мешают работать". Кажется, что Есенин изменился. Его невротические реакции притупились, обычная, нормальная жизнь берет свое и направляет интересы Сергея и его жажду деятельности в обычное для любого поэта русло.

"Живу скучно, – пишет он Рите Лившиц. – Сейчас не пью из-за грудной жабы. Пока не пройдет, и не буду. В общем, у меня к этому делу охладел интерес. По-видимому, в самом деле я перебесился".

Странно слышать эти слова от Сергея, но Кавказский период его жизни был самым трезвым и самым спокойным. Какое-то затишье перед бурей.

Два счастливых месяца провел Есенин в Тбилиси, хотя успел поссориться со своими грузинскими друзьями. Однажды на одной пирушке он стал читать стихотворение Лермонтова, где были слова "бежали робкие грузины". Это вызвало такой гнев, что Сергей был чуть не избит. Писатель С. Мар утверждает, что поэт "принимал участие в пьяных ссорах в кабаках Тифлиса, где его часто спасали от кавказских кинжалов грузинские поэты". Поэтому основное свое время Сергей проводил в компании Николая Вержбицкого, хотя и с ним у него случались пьяные ссоры. Однажды он вызвал своего друга на дуэль, которую успела предотвратить полиция. Вержбицкий и Есенин проводят все дни вместе, ходят в гости к грузинским поэтам и писателям, даже вместе посетили беспризорников, к которым Есенина тянула постоянно находящее на него грустное и печальное настроение.

6 декабря, заключив с издательством "Советский Кавказ" на выпуск книги "Страна советская", Есенин уезжает с Вержбицким в Батум, куда его давно приглашал старый друг и знакомый Лев Повицкий.

3. Последний всплеск чувственности

В этой связи хочется найти причину такого радостного и боевого настроения поэта. Можно отметить, что за все время пребывания Есенина на Кавказе, он ни разу не встречался с женщинами, которые как бы не существовали для него. Мужская компания, попойки декламация стихов, беседы и постоянная работа. Если вспомнить первые месяцы после возвращения из-за границы, то сексуальная жизнь поэта напоминает какой-то вихрь встреч с претендующими на его любовь женщинами. Дункан. Вольпин, Миклашевская, Бениславская и множество временных "бабочек", окружающих поэта плотным кольцом кратковременных связей и влюбленностей. Освободившись от них в Питере, Есенин, наконец-то обрел сексуальную свободу от женщин.

Анализируя проблему бисексуальности Есенина, Карлинский отмечал в своей статье: "Маквэю не удалось заметить, что этот его комплекс может служить ключом к пониманию целого ряда важнейших стихотворений, таких как «День ушел, убавилась черта...» (1916), в котором поэт посылает свою тень заниматься любовью с другим

мужчиной вместо себя; «Прощание с Мариенгофом» (1922) с его гомоэротическими фантазиями; первая часть «Сорокоуста», в которой вспышки самоуничижения поэта переходят в шокирующие образы сексуальных отношений с животными и предметами, и, наконец, широко известное посмертное стихотворение поэта, которое является любовным посланием к молодому человеку, с которым он провел ночь за несколько дней до этого".

Американский профессор, при всем его внимательном анализе жизни поэта, упустил отношения Есенина с Николаем Вержбицким и Львом Повицким во время пребывания в Грузии. Шизоидный характер поэта, который мы анализировали во второй главе, опирающийся на повышенную чувствительность, постоянно разворачивал любовные пристрастия Сергея в сторону мужчин, причем нежность его к объекту своего внимания носила ярко выраженный характер дружеских объятий, любовных посланий и откровенных выражений в письмах. Периодически на Есенина находило ощущение себя женщиной и, выбирая себе друга (как и Мариенгоф, это были молодые еврейские мужчины), он находил в общении с ними успокоение от тревожащего его психологического дискомфорта. Ведь не станет мужчина жесткой гетеросексуальной ориентации писать: "Целую тебя в губы, а ее в руку", как прощался Сергей с Николаем Вержбицким и его женой Зосей. Да и сами мемуары Вержбицкого наполнены какой-то любовью и нежностью к Есенину.

Приезд Есенина в Батум был отмечен его старым другом Львом Повицким статьей о его творчестве. Сергей радостно ответил стихотворением «Льву Повицкому», напечатанным в той же газете 13 декабря. Как скромно отмечает сам Повицкий "оно бросает свет на душевное состояние поэта в 1924—1925 годах". Однако это стихотворение как никакое другое выражает нахлынувшие на поэта гомоэротические настроения.

Старинный друг,
Тебя я вижу вновь
Чрез долгую и хладную Разлуку.
Сжимаю я
Мне дорогую руку
И говорю, как прежде,
Про любовь.

Мне любо на тебя
Смотреть.
Взгрустни
И приласкай немного.
Уже я не такой,
Как впредь —
Бушуйный,
Гордый недотрога.

Перебесились мы.
Чего скрывать?
Уж я не я.
А ты ли это, ты ли?
По берегам
Морская гладь —
Как лошадь
Загнанная, в мыле.

Теперь влюблен
В кого-то я.
Люблю и тщетно
Призываю,
Но все же
Точкой корабля
К земле любимой
Приплываю.

Как и "Прощание с Мариенгофом", это стихотворение наполнено необычными чувствами, чем-то напоминающие чувства мужчины, выраженные в своих сонетах Шекспиром. В связи с этим становится понятным и ревнивый рассказ Повицкого об одном приключении с Есениным в ресторане "Прага".

"В зале между столиками начались танцы, – пишет Повицкий. – Есенин поднимается, подходит к столу, за которым сидели двое молодых людей с дамами. Он кланяется и приглашает на модный танец не даму, а ... молодого человека.

Тот, польщенный и обрадованный, поднимается, Есенин обнимает свою "даму" и изящно ведет с ней страстный танец. Публика в восхищении аплодирует. А к нам опять бежит встревоженный администратор и в волнении говорит:

— Смотрите, смотрите — что он делает! А ведь он дал слово вести себя прилично...

— В чем здесь неприличие?

— А как же, он пригласил не даму, а мужчину, — это ведь вызов, это он нарочно!"

Позабыв прошлое свое увлечение, Есенин на этот раз по приезде в Батум остановился в местной гостинице. Через несколько дней Лев Повицкий заехал за ним, чтобы перевезти поэта к себе, в небольшой домик, недалеко от моря, окруженный зеленью и фруктовым садом. "Шумная жизнь вечно праздничного Тифлиса, – ревниво пишет Повицкий, – отголоски которой привезли «проводимые» Есенина — Вержбицкий и Соколов, была уже не по душе ему. Он готовился к серьезной работе, и Батум дал ему такую возможность". Сергею понравился покой и непрехотливый уют батумского дома Повицкого, и он решил поселиться у старого друга, скорее всего ради экономии.

Конечно, приезд Есенина в Батум привлёк к нему всеобщее внимание. Его останавливали на улице, знакомились, приглашали в ресторан. Как всегда и везде, и здесь сказалась теневая сторона его популярности. Он по целым дням был окружен компанией веселых собутыльников. Повицкий проявлял какую-то материнскую заботу о Сергее. "Я решил ввести в какое-нибудь нормальное русло дневное времяпровождение Есенина, – вспоминает он. – Я ему предложил следующее: ежедневно при уходе моем на работу я его запираю на ключ в комнате. Он не может выйти из дома, и к нему никто не может войти. В три часа дня я прихожу домой, отпираю комнату, и мы идем с ним обедать. После обеда он волен делать что угодно". Сергей согласился с этим распорядком и с удовлетворением сообщил о нем Гале Бениславской в письме от 17 декабря: «Работается и пишется мне дьявольски хорошо. До весны я могу и не приехать. Меня тянут в Сухум, Эривань, Трапезунд и Тегеран...

Лева запирает меня на ключ и до 3 часов никого не пускает. Страшно мешают работать".

Спустя три дня Есенин снова пишет Бениславской: «Я слишком ушел в себя и ничего не знаю, что я написал вчера и что напишу завтра. Только одно во мне сейчас живет. Я чувствую себя просветленным, не надо мне этой глупой шумливой славы, не надо построчного успеха. Я понял, что такое поэзия... Вот и пишу, и пишу. Вечерами с Левой ходим в театр или ресторан. Он меня приучил пить чай, и мы вдвоем с ним выпиваем только 2 бутылки вина в день. За обедом и за ужином. Жизнь тихая, келейная..."

Это пишет сам Есенин, успокаивая Галю, которая засыпала его письмами, полными заботой о его жизни. Однако Э Герман вспоминает: "Шумом драк его полнился Батум. Гриша Н., батумский журналист, рассказывал мне о тамошних похождениях Есенина:

— Мы, грузины, поэтов уважаем. Живи, пожалуйста, пиши стихи. Но ведь он сам в драку лез! Одного ударил — смолчали: Бог с тобой, думаем, ты поэт; другого ударил — смолчали. Так ведь он стал после этого всех бить! Мы его, конечно, побили. А поэтов мы, грузины, уважаем: пиши стихи — пожалуйста!"

Назойливая опека Повицкого стала надоедать Есенину, и он снова потянулся к женщинам. Да и соблазнов в портовом городе, каким был Батум, очень много. Правда Сергей успокаивая Галю, пишет ей:

"Провожая отъезжающие в Константинополь пароходы и думаю о Босфоре. Увлечений нет. Один. Один. Хотя за мной тут бабы гоняются. Как же? Поэт ведь. Да какой еще, известный. Все это смешно и глупо".

Может и глупо, но не стал бы Есенин просто так самовлюбленно признаваться в том же письме:

" Говорят, я очень похорошел. Вероятно, оттого, что я что-то увидел и успокоился. Волосы я зачесываю как на последней карточке. Каждую неделю делаю маникюр, через день бреюсь и хочу сшить себе обязательно новый, модный костюм. Лакированные ботинки, трость, перчатки, – это все у меня есть. Я купил уже. От скуки хоть франтить буду. Пускай говорят — пшют. Это очень интересно. Назло всем не буду пить, как раньше. Буду молчалив и корректен. Вообще хочу привести всех в

недоумение. Уж очень мне не нравится, как все обо мне думают. Пусть они выкусят".

Нарциссизм Есенина достигает максимальной точки. Все у него получается, он полон творческой энергии, он полностью удовлетворен своей сексуальной жизнью. Мужское начало все таки берет свое, тем более, что в Батуме были довольно свободные нравы. В то время Грузия находилась под властью меньшевистского правительства и в порту свободно чувствовали себя моряки многих стран. А. А. Лаппа-Старженецкая, оставила интересные воспоминания о жизни Есенина в этом городе.

«У самого синего Черного моря на углу улиц Бульварной и Воскресенской стоял и поныне стоит трехэтажный дом княгини Тамары Михайловны Накашидзе. В нижнем этаже этого дома разместилось представительство англо-американской фирмы «Стандарт ойл».

В те годы в Грузию, особенно в Батум, стекалось множество беженцев из России, женщин из богатых семей, перепуганных победоносным шествием большевистской армии. Из Батума тогда можно было свободно выехать за границу. Многие выехали, но многие осели в городе. Большая часть женщин, не привычных ни к какому труду, хотя и образованных, предпочли «веселиться» и вести легкую жизнь. Вот в этом-то акционерном обществе эти женщины были желанными гостями. Когда рассказывающая мне об этом Мария Михайловна Громова навестила свою знакомую Накашидзе с целью снять у нее комнату внизу, та ответила: «Что вам там нужно? Там «бордель», конечно негласная». Вот в этой-то бордели встречался Сергей Есенин в бытность свою в Батуме со всеми женщинами, которые его осаждали, в том числе и с Ольгой Кобцовой, и с Есауловой, Соколовской, Шагане Тертерян. А не в "обществе педагогов", ибо в двухклассной армянской школе, где она временно работала групповодом «нулевки», не было никаких педагогов, кроме ее сестры Катры.

Помимо этой бордели, была другая, у массажистки Иоффе, где очередь стояла из матросов, прибывающих в Батум на океанских иностранных пароходах.

Упомянутую Ольгу Кобцову Есенин называл «мисс Оль» — не только от ее имени, но и от «Стандарт ойл» — места их знакомства и встреч. С его легкой руки это прозвище упрочилось за ней. "Мисс Оль" была девушка лет восемнадцати, внешним видом напоминавшая гимназистку былых времен. Девушка была начитанная, с интересами и тяготением к литературе, и Есенина встретила восторженно. Завязался несложный портовый роман. Однако слух об этом увлечении Есенина долетел до

Москвы. Сергею даже пришлось оправдываться перед Анной Абрамовной Берзинь:

"С чего это распустили слухи, что я женился? Вот курьез!... Я сидел просто с приятелями. Когда меня спросили, что это за женщина – я ответил — моя жена.— Нравится?"

– Да, у тебя губа не дура.

Вот только и было, а на самом деле сидела просто надоедливая девчонка — мне и Повицкому, с которой мы даже не встречаемся теперь".

Конечно, отношения между "мисс Оль" и Есениным не были такими простыми. Увлечение Есениным красивой девушкой, вызвало ревность со стороны Вержбицкого, которому Есенин сообщал о своей жизни в Батуме. "Напиши мне длинное письмо, – пишет Вержбицкий. – О твоих мыслях, твоей внезапной любви...о твоём милом хозяине Леве...И, да, Серега, – не пей молока, так же избегай воды и больше всего — остерегайся чая. Эти напитки принесут тебе гибель. С "мисс Оль" делай все, что хочешь..."

Лева Повицкий так же постарался разрушить связь Есенина с молодой девушкой. Когда он узнал, что ведутся разговоры о женитьбе Сергея, он получил от местных людей сведения, бросавшие тень на репутацию как «Мисс Оль», так и ее родных. Сведения эти вызывали предположения, что девушка и ее родные причастны к контрабандной торговле с Турцией, а то еще, может быть, и к худшему делу. Левушка поспешил сказать об этом Есенину, посоветовав ему присмотреться внимательнее к ее родным. Может слова Повицкого, а может и кратковременность чувств Сергея, но интерес его к Ольге Кобцовой стал ослабевать. Она это заметила и в разговоре со Повицким дала понять, что он, очевидно, повлиял в этом отношении на Есенина. Как-то вечером Повицкий в ресторане увидел за столиком Есенина с «Мисс Оль». Хотел пройти мимо, но Есенин его окликнул и пригласил к столу. Девушка поднялась и, с вызовом глядя на меня, произнесла:

– Если Лев Осипович сядет, я сейчас же уйду. Тогда Есенин, уже решивший расстаться со своей пассией, иронически улыбаясь прищуренным глазом, медленно протянул:

– Мисс Оль, я вас не задерживаю...

"Miss Olli отдали мы — ее кошке. С ней ей уютней. Нам она не ко двору", –

радостно сообщает Сергей в одном письме к Вержбицкому. В другом письме от 26 января, он снова говорит: " Послал ее к черту. Да и вообще с женитьбой я просто дурака валял. Я в эти оглобли не коренник. Лучше так, сбоку, пристяжным. И простору больше, и хомут не трет, и кнут реже достает."

Со свойственной Есенину особенностью устраивать всякие шуточные представления, он как то на Приморском бульваре решил немного позабавиться. Заметив молодых женщин, сидящих на скамейке, он берет напрокат у мальчика — чистильщика сапог его сапожный ящик со всеми атрибутами. С ящиком на плечах останавливается перед дамами на скамейке, затем опускается на одно колено:

— Разрешите мне, сударыни, почистить вам туфли!

Женщины, зная, что перед ними Есенин, смущены и отказываются. Есенин настаивает. Стоя на коленях перед ними, он уговаривает дам согласиться. Собираются любопытные, знакомые пытаются увести его от скамейки, но безуспешно. Повицкий, нарочито громко отчитывает Есенина, который обидевшись, молча, встал, снял с себя ящик и, не глядя на друга, направился к выходу с бульвара.

В это время Сергеем постоянно владеет настойчивое желание съездить в Персию (Иран) или Турцию. Как мы знаем, намерение поэта не осуществилось: ни в Тегеране, ни в Константинополе побывать ему не привелось. Обостренная тяга поэта к этим местам была непосредственно связана с работой над «Персидскими мотивами», которая приходится именно на этот период. Название цикла возникло в самом начале работы над ним. Николай Вержбицкий вспоминает: «...Подвернулся мне томик — «Персидские лирики X — XV веков» в переводе академика Корша. Я взял его домой почитать. А потом он оказался в руках Есенина, который уже не хотел расставаться с ним. Что-то глубоко очаровало поэта в этих стихах. Он ходил по комнате и декламировал Омара Хайяма. Перелистывая древних лириков, Есенин слегка прикоснулся к Персии, и в нем, резонируя, запела новая чудесная струна...»

Рубаи Хайяма оказались созвучны настроению и привычкам Есенина того времени:

Пью не ради запретной любви к питию
И не ради веселья душевного пью,
Пью вино потому, что хочу позабыться,
Мир забыть и несчастную долю свою.

(перевод Г.Плисецкого)

Одно из стихотворений Есенина "Голубая да веселая страна. Честь моя за песню продана....» даже озаглавлено в рукописи «Подражание Омар Хайяму». Может быть Сергея подтолкнули к написанию этого стихотворения следующие строки великого философа, поэта и эпикурейца:

Коль пьешь вино, так с мудрецами пей,
Иль с юношей, тюльпана понежней,
Но только не кричи о том, что пьешь.
Пей мало, изредка, пей тайно от людей.

(Перевод автора)

Неудивительно, что первые стихотворения цикла «Персидские мотивы» были посвящены любви?

Я спросил сегодня у менялы,
Что дает за полтумана по рублю,
Как сказать мне для прекрасной Лалы
По-персидски нежное "люблю"?

Я спросил сегодня у менялы
Легче ветра, тише Ванских струй,
Как назвать мне для прекрасной Лалы
Слово ласковое "поцелуй"?

С "мисс Оль" Сергей расстался без сожаления. "Завел новый роман, – пишет он Вержбицкому, – а женщину с кошкой не вижу второй месяц". В первых числах января 1925 года Сергей познакомился в Батуме с молодой армянкой по имени Шаганэ Нерсесовна Тертерян (по мужу Тальян). "Это была на редкость интересная, культурная учительница местной армянской школы, – пишет Повицкий, – прекрасно владевшая русским языком. Интересна была и младшая ее сестра Катя, тоже учительница. У нее было прекрасное лицо армянской Суламифи. Она знала стихи Есенина и потянулась к

поэту всей душой. Есенин, однако, пленился ее сестрой, с лицом совершенно нетипичным для восточной женщины". Хотя встречи с Шаганэ и происходили тайком от мужа в снятой на время комнате, характер ее поведения соответствовал романтическому представлению Есенина о прекрасном. При этом знакомстве Есенина пленило в ней и то, что:

Там, на севере, девушка тоже,
На тебя она страшно похожа,
Может, думает обо мне...
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

Шаганэ Тальян. Батум. 1924 г.

Внешнее сходство Шаганэ Тальян с любимой девушкой и ее певучее уменьшительное имя вызывали у Есенина большое чувство нежности к милой армянке. Исследователи с кем только не сопоставляли есенинский образ девушки, "страшно похожей" на предмет его нового увлечения. Кто-то предполагает, что ей могла быть Галя Бениславская, другие сравнивают Шаганэ с Августой Миклашевской. Хотя сам Есенин, по словам М. Ройзмана, сказал ему как-то по поводу стихотворения "Шаганэ ты моя,

Шаганэ.:

– Эта северянка родила мне сына.

Надя Вольпин, у которой 12 мая родился сын от Есенина, действительно была похожа на Шаганэ. Может потому Сергея и потянуло к милой армянке, что он вспомнил о своей милой возлюбленной. Да и не так уж важно, на кого была похожа Шаганэ Тальян. Важно то, что влюбчивость Есенина, пришедшая на смену воздержанию от женской любви и ласки, стала источником его любовных стихотворений из цикла "Персидские мотивы". Однако увлечение Шаганэ Тальян было кратковременным. Сама она вспоминает о своем знакомстве с Есениным несколькими скупыми строками: "В феврале 1925 года Есенин, накануне отъезда из Батума в Москву пришел ко мне и объявил, что уезжает... нежно простился со мной, но не пожелал,

чтобы я его провожала...Потом писем я от него не получала". Сергею не нужны были ни "мисс Оль", ни Шаганэ. Он находился весь в состоянии бурного творчества, воплощая в своих стихотворениях внутренние переживания и тревожащие его конфликты.

5. Постоянное ощущение смерти

Эти конфликты с наибольшей силой проявились в его биографическом цикле стихов, написанных во время пребывания в Батуме. "Письмо к матери", "Ответ", "Письмо к деду", "Метель" – произведения самые пессимистические, самые безнадёжные, полные мыслей о смерти и неудавшейся жизни. В этих посланиях начинают проявляться тенденции самообвинения самоистязания самого себя, постоянные видения близкой смерти.

Сомнения в себе произрастают из внутренних конфликтов и проявляются в бесконечных и незавершенных внутренних диалогах, в которых Есенин старается защититься от собственных самообвинений. Эти самообвинения и мучительные сомнения в правильности выбранного пути являются результатом презрения к себе, страданием "гордого Я" за ущемленное самолюбие и навязываемые ему долженствования. Из этих внутренних самообвинений и самоограничений рождается пессимизм и какая-то покорность судьбе. Есенин как бы сдался, он уже не бросает вызов, в нем нет прошлого "хулиганства", никакой безрассудной веры в победу над "роком событий":

Захочешь лечь,
Но видишь не постель,
А узкий гроб
И — что тебя хоронят.

Внутреннее одиночество, несмотря на какую-то болезненную жажду быть на виду у всех, постоянная борьба с Черным человеком, садящимся на его постель и обвиняющего поэта – все это подводит к грустным "гробовым" мыслям:

А если я помру?
Ты слышишь, дедушка?

Помру я?
Ты сядешь или нет в вагон,
Чтобы присутствовать
На свадьбе похорон
И спеть последнюю
Печаль мне "аллилуйя"?

Гордость Есенина завладевает его душой и травит его обвинениями, когда ему не удается сделать невозможное. Мысль о том, чтобы стать самим собой, становится отвратительной и ужасающей. Борьба против "нежного Я", начатая в "Черном человеке", продолжается в "Метели". Есенин, чтобы защититься от самообвинений, избавиться от этого преследования, заставляет себя исчезнуть. Он проявляет бессознательную заинтересованность в том, чтобы не иметь ясного представления о себе:

Нет!
Никогда с собой я не полажу,
Себе, любимому,
Чужой я человек.

Есенинские видения мрачны и искажены, реальность в них приобретает зловещие контуры: "визжит метель, как будто бы кабан", "луну, наверное, собаки съели", "оглохший кот", "мать – как ведьма с Киевской горы", а "облезлый клен", словно "столб позорный", на котором

И первого
Меня повесить нужно,
Скрестив мне руки за спиной
За то, что песней
Хриплой и недужной
Мешал я спать
Стране родной.

Поэт осознает свои тревожные чувства, не понимая их бессознательной основы, а только констатирует их внешнее проявление:

Не знаю, болен я
Или не болен,
Но только мысли
Бродят невпопад.
В ушах могильный
Стук лопат
С рыданьем дальних
Колоколен.

Правда, внешне Сергей полон творческой энергии, стремится напечатать свои признания-биографии во всех журналах, да еще по высшей ставке. Видимо само писание стихов для Есенина было неосознаваемым желанием уйти от проблем, от реалий жизни, от одиночества, от возможности остаться наедине с собой. Но поэт не был бы поэтом, если не выражал в своих произведениях свою внутреннюю борьбу и невротические проблемы гордости. Не зная как выбраться из этого конфликта, Есенин решает вернуться в Москву, так же неожиданно, как и уехал из неё.

6. Страх одиночества и безнадёжность

Есенин отправляет телеграмму Бениславской:

"Персия прогорела... Шлите немедленно на дорогу. Я Тифлисе, нужно к среде. Везу много поэм".

На Брюсовском ликование и 1 марта Галя, Катя и Наседкин втроем отправились на Курский вокзал встречать Есенина. По возвращении поэт все еще полон различных планов на будущее. "Душа моя! – пишет он Вержбицкому. – Я буду здесь недолго. Переведу себе деньги в банк.. и приеду на Кавказ.. Дела мои великолепны, но чувствую, что надо бежать, чтоб еще сделать что-нибудь.". Он собирается покупать сестрам квартиру, издавать новый альманах; "все осталось на своем месте, только прибавляется одним редактором больше в лице пишущего эти строки". С приездом Есенина от тихой жизни обитателей квартиры на Брюсовском не осталось и следа. Редкий день теперь

проходил там без посторонних людей. "Сергей прожил в Москве всего лишь один месяц, – вспоминает А. Есенина, – но за этот месяц у нас перебивало столько людей, сколько к другому не придет и за год".

До встречи с литературными друзьями Есенин почти не пил. Да и после, за весь этот приезд из Баку, он напивался не больше 4—5 раз, избегая скандалов и не впадая в буйство. Он даже хвалился, что Кавказ исправил его. Выглядел Есенин в первые дни приезда хорошо, пополнел. Первую неделю был необычайно бодр, весел. Из Баку он привез целый ворох новых произведений: поэму «Анна Онегина», «Мой путь», «Персидские мотивы» и несколько мелких стихотворений. "Своим литературным друзьям, – пишет Наседкин⁰ – он охотнее всего читал тогда эту поэму. Было видно, что она нравилась ему больше, чем другие стихи".

14 марта Есенин решает выступить с чтением своих новых произведений в литературном объединении "Перевал". Это было его первое публичное выступление в Москве. Для храбрости (трезвым он был очень не храбр и, читая стихи, всегда сильно нервничал) перед приходом в «Перевал» он с кем-то немного выпил. Комната Союза писателей на третьем этаже была набита битком. Поэт прочитал "Анну Снегину", но его прекрасная лирическая поэма не имела большого успеха. Сидящие за столом писатели отозвались о прочитанной поэме с холодком. Кто-то предложил «обсудить». Есенин от обсуждения наотрез отказался и гордо сказал:

— Вам меня учить нечему. Вы сами все учитесь у меня.

Несколько дней поэт ходил расстроенный и раздраженный. Самолюбие его было ущемлено. Привыкший к постоянным восхвалениям, он тяжело переносил любую критику в свой адрес. "Я не разделяю ничьей литературной политики, – писал Есенин в письме к Гале Бениславской. – Она у меня своя собственная — я сам". "Вокруг Сергея всегда царил оживление, – отмечает А. Есенина. – Все жили с ним одними интересами. Если это поход в театр или кино, то идут все, кто в этот момент присутствует, если это вечеринка, то все веселятся, если это деловой разговор, то в нем принимают участие все, кто есть".

Есенин начинает чувствовать себя центром, вокруг которого должны собираться все остальные и жить только его интересами. Как-то Есенин попросил Наседкина при гостях спеть бандитские частушки. "Я спел раз, – вспоминает последний, – просили еще. Но я уже заметил на себе ревнивый и недовольный взгляд Есенина и замолчал.

У пьяного у него была тяжелая привычка говорить и слушать только о себе".

Во второй половине марта, по словам Наседкина, "Есенин ничего не пишет, тянется к бутылке. Размножаются "приятели". Борются с разной литературной шатией близкие бессильны". На Кавказе его носили на руках, прощали его скандалы, грубые выходки. Печатали все его стихотворения. А здесь, в Москве. Есенин снова должен был ладить с нужными людьми. Есенин это умел делать, но такая зависимость все время тяготила его. Разве вот издавать свой журнал? И Есенин вновь обсуждает планы об издании "альманаха" со своими друзьями, и вновь с журналом ничего не получилось. А тут еще одно событие, вызвавшее у Есенина определенное беспокойство. Приехав в марте 1925 года, Есенин узнал, что над Ганиными его товарищами шло следствие. Арестовали целую группу ему знакомых людей: художников, братьев Чекрыгиных, актера Бориса Глубоковского. "Ганин в своих тезисах объявлял себя и своих товарищей русскими националистами, – пишет Ст. Куняев, – восставшими против засилья еврейско-коммунистической власти". Есенина вызвали в ЧК, после чего Есенин решил пока не поздно скрыться, уехать на Кавказ и как можно скорее. 27 марта, за три дня до расстрела Ганина, неожиданно для всех знакомых, Сергей уехал в Баку, под надежное покровительство Кирова и Чагина. "Он уезжал как будто примиренный с чем-то, писал Наседкин, – и был далеко не весел. Накануне отъезда, совершенно трезвый, он долго плакал. В последний день грустная улыбка, вызывавшая в близких жалость и боль, не сходила с его лица. Он действительно походил тогда на теснимого и гонимого".

По дороге в Баку произошла небольшая неприятность – Есенина ограбили в поезде, украли деньги и пальто. Полураздетый Есенин простудился и в таком виде приехал к Чагину, который встретил его, по словам поэта "как брата". В середине апреля он по дурости искупался в море при сильном ветре. Доктора поставили диагноз "скоротечная чахотка". Слух об этом дошел до Москвы. Все предрекали скорую смерть поэта. Но, несмотря на болезнь, Есенин остается в Баку. Он собирался в Персию: ему хотелось посмотреть сады Ширази и подышать воздухом, каким дышал Саади. С другой стороны поэт понимал, что дружба с сильными мира сего в чем-то поможет ему и убережёт от преследований милиции и ЧК. Есенин прекрасно понимал, пишет Ст. Куняев, "что воля новых хозяев жизни гораздо сильнее, гораздо могущественнее, нежели хозяев прежних, что от Чагина или Вардина зависит не меньше, а больше, нежели от полковника Ломана; что Киров или Троцкий могут оказать ему куда более полезное покровительство, нежели императрица Александра Федоровна".

Есенин жил на ханской даче Чагина, но несмотря на фонтаны и тенистые рощи

на душе у поэта было отнюдь не радостно. Ранней весной 1925 года Есенин в Баку встретился с Воронским. "Вид у Есенина был совсем не московский, – вспоминает Воронской, – он ходил в обтрепанном с чужих плеч пальтишке. Ботинки были неуклюжие, длинные, нечищенные, может быть, тоже с чужих ног. Он уже не завивался и не пудрился... он показался в те дни одиноким, заброшенным, случайным гостем, неведомо зачем и почему очутившимся в этом городе нефти, копоти и пыли, словно ему было все равно куда приткнуться и причалить". Воронский верно подметил первые признаки начинающейся кульминации той бессознательной есенинской ненависти к себе, которая стала выливаться у поэта в поступках, приводящих к психическому и духовному саморазрушению.

Отчуждение от себя, неизбежные бессознательные претензии, презрение к себе – все это ведет, по мнению Карен Хорни, "к ослаблению морального стержня, в центре которого находится уменьшившаяся способность быть искренним с собой". Это ослабление морального состояния выражается в том, что "человек пренебрегает своей внешностью, позволяет себе становиться неопрятным, неряшливым или толстым, он слишком много пьет, мало спит, не заботится о своем здоровье". Есенин и Воронский стояли на набережной Баку, с моря дул резкий и холодный ветер. "Есенин стоял, рассеянно улыбался и мял в руках шляпу. Пальтишко распахнулось и неуклюже свисало, веки были воспалены. Он простудился, кашлял, говорил надсадным шепотом и запахивал то и дело шею черным шарфом. Вся фигура его казалась обреченной и совсем ненужной здесь. Впервые я остро почувствовал, что жить ему недолго и что он догорает.

На загородной даче, опившийся, он сначала долго скандалил и ругался. Его удалили в отдельную комнату. Я вошел и увидел: он сидел на кровати и рыдал. Все лицо его было залито слезами. Он комкал мокрый платок.

— У меня ничего не осталось. Мне страшно. Нет ни друзей, ни близких. Я никого и ничего не люблю. Остались одни лишь стихи. Я все отдал им, понимаешь, все. Вон церковь, село, даль, поля, лес. И это отступилось от меня. Он плакал больше часа".

Есенин был полон чувством безнадежности и презрением к себе за несбывшиеся мечты гордого Я. Его силы подошли к концу и уже не могли противостоять само разрушительным тенденциям. Провоцирование случайных телесных повреждений началось еще в период зимнего запоя 1924 года, когда Есенин повредил себе правую руку. Встречаясь с Чернявским в Питере, Сергей показал ему скрытый под нею шрам и

объяснил подробно, как он порезался, пробив рукою подвальное окно, как истекал кровью на незнакомой лестнице в чужой квартире, как долго лежал он, прикованный к постели с рукою под прессом... "Но на вопрос, – говорит Чернявский, – почему именно он, пьяный, соскочил с извозчика и ринулся в окошко, он ответил мельком, глядя в сторону: «Так, испугался... пьян был». Я не понял тогда, что в этом сказалась его начинавшаяся болезнь".

Даже болезнь Есенина в Баку явилась результатом подсознательных импульсов саморазрушения, провоцирующих случайные телесные повреждения. Есенин сам рассказывал Вольфу Эрлиху, что "на Кавказе в снег с открытым воротом бегал, простудиться хотел. Не вышло....

– А умереть я все-таки умру. И очень скоро.

Наседкин передает рассказ Сергея о своей болезни:

– Катались на автомобиле. Попали в горы. В горах, знаешь, холодно, а я в одной рубашке. На другой день горлом пошла кровь. Я очень испугался. Чагин вызвал врачей, и положили меня в больницу. Праздник, Пасха, а я в больнице. Мне казалось, что я умираю».

11 мая Есенин снова оказывается в больнице, у него, по его словам, "катар правого легкого". Но врачи сказали: «Если не бросишь пить, через три месяца смерть». Беспокойная Галя, видимо, подозревала, что Есенин по-прежнему напивается. Сергей сердито пишет ей из Баку:

"С чего – Вы – это, Галя, взяли, что я пьянствую? Я только кутнул раза три с досады за свое здоровье. Вот и все. Хорошее дело, чтоб у меня была чахотка. Кого хошь грусть возьмет.. Мне запрещено пить...С легкими действительно что-то неладно."

Ему предписали поехать в Абас-Туман, грузинский курорт, но Есенин не поехал туда. Казалось, он всеми силами препятствует своему выздоровлению. По выходе из больницы Есенин запил напропалую. "Существует много способов, – отмечает К. Хорни, – которыми мы убиваем нечто существенное для нашей жизни; действительное физическое самоубийство – просто наиболее крайнее и окончательное выражение саморазрушения".

17 марта Есенин возвратился в Москву. "Он похудел еще больше, пишет Наседкин, – и был совершенно безголосый. Да и во всем остальном он уже не походил на прежнего Есенина. Одетый скромно, он смахивал на человека, только что выбежавшего из драки, словно был побит, помят". Вина Сергей выпивал мало, но очень

быстро хмелел, а опьянев, становился раздражительным, беспокойным. Сестра Катя и Галя старались по возможности одного Сергея не выпускать из дома. И все же некоторые из знакомых явно старались подчинить Есенина своему влиянию. Но все эти влияния, в большинстве случаев, сводились к одному спаиванию. Один «старый друг» тащит его в пивную, а другая «старая приятельница» очень мягким голосом приглашает его куда-нибудь на именины или просто в одну семью посидеть, а пригласив, обязательно добавит: "Там тебя, Сережа, ужасно все любят".

И вот это воздействие со стороны "друзей" на невротическое желание Есенина своим вниманием, признанием, восхищением и любовью, постоянно привлекает поэта. Ибо в этом он видит потребность смягчить или компенсировать невротическую мнительность, что его никто не любит. "Есенин был необыкновенно мнителен, – замечает Георгий Устинов. – Ему постоянно казалось, что его никто не любит и не ценит, что он одинок, что он стал некрасив, что у него посерели волосы и обрюзгло лицо, и что поэтому женщины подходят к нему только с целью наживы, да затем, чтобы покичиться его именем перед другими..."

На Троицын день, 7 июня, Есенин поехал к себе на родину в село Константинове. Поехал он на свадьбу, приглашенный еще в Москве женихом — его двоюродным братом. Вместе с Есениным и за ним следом из Москвы приехало 8 человек гостей, в числе которых оказалась потаскушка из постоянных ресторанных посетительниц, под пьяную руку прихваченная Сахаровым и Старцевым. В Константинове собрались все вместе.

"Сергей Александрович, – вспоминает Бениславская, – пил иступленно и извел всех. Самодурствовал, буянил, измучил окружающих и себя... На свадьбе Есенин обнимал всех подряд и плакал: «Умру, умру скоро. От чахотки умру». Все на него, разинув рот, дивуются: «Сергунь, ты должен быть сильным. Ведь за тебя стыдно, как баба плачешь». Тут он вскочил, начал плясать, а потом через минуту опять стал плакать. Эта бурная смена настроения становилась обычным поведением поэта. Сначала он идет с гармошкой по деревне, затем снова заявляет «умру, умру».

"Здесь, в деревне, – вспоминает Наседкин, – он был совершенно невменяем. Его причуды принимали тяжелые и явно нездоровые формы". Галя пыталась урезонить друга, но он не поддавался уговорам. Возбужденный Есенин вместе с Наседкиным уехал из Константинова, оставив там сестру и Галю. Он жаловался на боль от

крестьянской косности, невежества и жадности. Деревня ему противна, вот почему он так.."

Дорогой Наседкин убедил Есенина порвать с Бениславской. " Мне кажется, что тебя еще ни одна женщина не держала под башмаком... Не попадешь ты под башмак и этой польки". Есенин задумался.

– Разве вот жениться на Софье Толстой и зажить спокойно.